

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

НА СТАНЦИИ

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский На станции

Аннотация

«Да, молодой Кобрян талант. В год с небольшим он сделал свою карьеру.

Ясное утро подымалось над безбрежную болотистую равниную. В лучах утреннего солнца таяли последние следы тумана и ярко отсвечивались окна одиноко высящейся станции 4 класса. В то время, как передний фасад здания вместе с чисто подметённой платформой скрывались ещё в тени, задний был весь залит солнцем...»

Содержание

I	4
II	10
III	11
IV	12
V	13
VI	15

Николай Гарин- Михайловский На станции

I

Да, молодой Кобрян талант. В год с небольшим он сделал свою карьеру.

Ясное утро подымалось над безбрежную болотистую равниную. В лучах утреннего солнца таяли последние следы тумана и ярко отсвечивались окна одиноко высящейся станции 4 класса. В то время, как передний фасад здания вместе с чисто подметённой платформой скрывались ещё в тени, задний был весь залит солнцем.

Кобрян проснулся, и мысль, ясная, как тот луч, который весело пробивался сквозь щель его ставни, мысль, что он уже две недели начальником станции, заставила его бодро вскочить и сесть на кровать. Да, это не сон!

Это он, Кобрян, хозяин этой маленькой красивой станции. Эти три комнаты, чистенькие и весёленькие, принадлежат ему.

Кобрян сладко потянулся и начал одеваться. В сапогах, в одном нижнем белье, подошёл он к зеркалу и с удоволь-

ствием увидел в нём своё красивое, немного нахальное лицо, свои соколиные глаза, глаза чёрные, гордые, с выражением воли и какой-то дикости.

Кобрян самодовольно вспомнил, что одна городская бабышня назвала его глаза иголочками.

«Насквозь!» – прищурился Кобрян и улыбнулся.

Ряд здоровых, красивых зубов сверкнул в зеркале.

Он оделся, напился чаю, надел перед зеркалом слегка на бок свою красивую фуражку, небрежно спустил из-под козырька волной прядь своих чёрных, густых волос и не спета вышел на платформу.

«Да, вот говорили, что он, Кобрян, не сумеет держать себя на высоте своего нового положения» – подумал Кобрян, и задетое самолюбие вдруг заговорило в нём.

«Разве он, Кобрян, по опыту не знает, как ездят на своих начальниках! Разве он это знает для того, чтобы на нём в свою очередь ездили? Ха-ха! пусть кто хочет попробует покататься на нём!»

Кобрян оглянулся направо, налево, точно высматривая охотника потягаться с ним, засунул руки в карманы и тихо, не спеша, с видом человека, который не станет спрашивать у людей, что и как ему делать, пошёл по платформе.

Вся его самодовольная фигура, загнутые фертом руки, особенная манера отворачивать при ходьбе ноги, рассмотрение на ходу своих сапог – всё, как будто умышленно, бросало вызов, подмывало окружающих.

– Фу-ты, ну-ты – ножки гнуты! – проговорил вполголоса маленький бедный телеграфист, стоя у окна дежурной.

Молодая телеграфистка, сидевшая у того же окна, не выдержала и фыркнула.

Кобрян поднял голову.

Телеграфист уже успел принять снова невинный вид и своими подслеповатыми глазами смотрел без выражения мимо Кобряна на расстилавшееся перед станцией болото.

Кобрян прищурился и как только мог надменно сказал:

– Г-н телеграфист, не угодно ли вам взять окно на крючок?

– Ветра нет, – нерешительно было запнулся телеграфист.

– Не угодно ли вам взять на крючок, когда вам говорят?! – рявкнул Кобрян.

И сразу, вдруг осwirепев, Кобрян уставился дикими, налившимися глазами в маленького телеграфиста.

– Так их, так, – самодовольно прошептал отец Кобряна, тут же на платформе чинивший рыбацкую сеть.

Телеграфист сконфуженно, нехотя надел крючок.

– То-то, – проговорил молодой Кобрян, – у меня не долго на кочевряжишься.

– Я не могу, я его сейчас осажу, – вспыхнув, прошептала телеграфистка и громко крикнула: – А вам не стыдно таким невежей держать себя?

– Не стыдно, барышня, – ответил Кобрян, одним прыжком очутившись у самого окна. – Я всякого осажу и на точку

поставлю, кто свой нос суёт туда, где его не спрашивают.

– Вот так пристыдила! – фыркнул в свою сеть старик Кобрян.

Телеграфистка растерялась и сконфуженно ответила:

– А, так вы так – хорошо же!

– Очень хорошо! так и запишите, – упрямо ответил Кобрян.

– Вы так и с женой своей будете обращаться? – окликнула ещё раз уходившего Кобряна телеграфистка.

– Я жену свою за косы таскать буду, если она не в своё дело сунется, – ответил, не поворачивая головы, Кобрян.

– Не знаю же, какая дура за вас пойдёт после этого! – крикнула телеграфистка.

«Только не ты», – подумал старик Кобрян. – «При нашем теперешнем положении, за нас любая купчиха из города с руками и ногами»...

– Чего другого, а этого добра хоть отбавляй, – всё по-прежнему, не поворачивая головы, крикнул молодой Кобрян.

– Ну, так вы с этих пор обо мне забудьте! – окончательно рассердилась телеграфистка.

– А, так вы так, – заговорил Кобрян, быстро возвращаясь назад. – Так не угодно ли вам, на основании инструкции, удалиться из дежурной.

Телеграфистка растерялась и съёжилась.

– Я вам не мешаю...

– Не угодно ли выйти! – упрямо настаивал Кобрян.

Хотя Кобрян стоял перед ней непреклонный и твёрдый, но в его глазах, где-то далеко, далеко, другой Кобрян невольно любовался красивой зарумянившейся телеграфисткой. К тому Кобрян и запротестовала телеграфистка на Кобряна – начальника станции.

Но уже было поздно.

Все были свидетелями, и все с любопытством ждали, на чьей стороне останется победа.

Сторож бросил подметать; стрелочник, бежавший смазывать свою стрелку, остановился с открытым ртом, с самодовольно глуповатой физиономией; дорожный мастер, работавший невдалеке с артелью, подвинулся поближе к месту действия; отец-рыбак, подняв перед собою сеть, внимательно и самодовольно рассматривал на свет всё ту же дыру. В отдалении звякнули шпоры и на платформу, не спеша, начал подниматься по лестнице, звеня и распространяя вокруг себя запах свежей юхты, седой, толстый жандарм.

– Ну, что ж, долго я буду ждать? Иль прикажете жандарма крикнуть?

Кобрян победил. Телеграфистка не выдержала и, расплакавшись, выбежала из дежурной.

Кобрян пошёл дальше. В первый раз, однако, он не почувствовал удовлетворённого чувства после победы. Напротив, в его душе произошло что-то странное и непонятное для него: ему в первый раз стало жалко своего врага... Эти пла-

чушие голубые глазки точно вдруг переселились к нему в грудь и ему казалось, что каждая слеза из них падает прямо на его сердце. Это чувство было так ново для него, что он постарался сейчас же его прогнать, проговорив про себя:

– В другой раз пропадёт охота.

Старик Кобрян, успевший уже за руку поздороваться со своим другом жандармом, услыша сказанное сыном, самодовольно ответил:

– Пропадёт!

– Вы ещё тут?! Расселись со своими сетями! – накинулся на него сын.

– Уйду, уйду сейчас на реку, – засуетился старик.

II

Пропустив оба поезда, скрещивавшихся на этой станции, убедившись, что всё его хозяйство пошло заведённым порядком, т. е. что стрелочник отправился на охоту (добровольные труды на пользу его, Кобряна), что сторожиха (условие при найме) поставила на плиту его горшок со щами, Кобрян свистнул своего сеттера – подарок соседнего помещика, взял ружьё и пошёл по линии к ближайшему озеру пострелять бекасов, уток, куликов.

Впереди, обнюхивая и шныряя по сторонам, бежала его собака, он же сам шёл по узкой высокой насыпи и, не переставая, чувствовал в своей груди плачущие голубенькие глазки, и по-прежнему, капля за каплей, эти слёзы падали на его сердце, и с каждой новой каплей всё теплее и всё веселее становилось на душе Кобряна.

А кругом него шумел камыш, ветер играл его волосами, глядело солнце со своей недосыгаемой выси, заливало его своим горячим светом, кричала в отдалении чайка, сверкали рельсы, стальной лентой исчезая на горизонте, а он всё шёл, и каждый шаг, и каждый звук его шагов гармонично отдавался в его душе.

III

Тёплая, тёмная ночь охватила и небо, и землю.

Молодой Кобрян, одетый, лежал в своей кровати и никак не мог отделаться от русой головки с заплаканными глазками.

Он знал, что она теперь в дежурной одна.

Тихо, тихо поднялся он, чтобы не разбудить старика.

Но как ни тихо он вставал, а старик услышал и догадался, в чём дело.

– Яшка, ты это что задумал? – строго окликнул он сына.

– Чего ещё? – нехотя переспросил молодой Кобрян.

– А того, что всё-то её богатство три чулка. Если бы не хорошие люди, и матраца бы...

– Да вы что? – пренебрежительно оборвал его молодой Кобрян.

– Ты не финти, – вспыхнул отец. – Я наскрозь тебя вижу, – вижу, как ты за ней бегаешь.

– Ну так что? – вызывающе отозвался сын.

– А то, что она тебе не ровня – вот что! за тебя всякая купчиха...

– Ладно... Спи! – ответил пренебрежительно сын.

Отец не знал, что означало это «ладно», и на всякий случай успокоенным голосом сказал: «то-то».

IV

Маленький телеграфист сдал дежурство своей коллеге и вышел на платформу. Он сел на скамейку и отдался разным грустным мыслям.

Он думал о том, что, при смене, телеграфистка почти не смотрела на него за то, вероятно, что утром не поддержал её. Он думал о том, что при всём желании он не мог этого сделать, что ему, Кобрян, в роли начальника станции хорошо форсить, а пофорсил бы он в его положении. Он задумался над вопросом: чем выбился Кобрян в жизни? Разве мог бы он, телеграфист, так ломаться, так кричать, так издеваться над людьми (и за что?), как издевался сегодня Кобрян? Не то, чтобы он не мог, – всякий может кричать, у кого есть горло, но ему стыдно было бы, ему бы это никакого удовольствия не доставило.

Горькое чувство шевельнулось в его душе.

«А стыдно, ну и живи хуже собаки, голодай, носи по месяцам бельё и собирай окурки».

Он вспомнил, что сапоги его совершенно отказываются служить и что из предстоящего жалованья необходимо удерживать на покупку новых. И он в сотый раз стал соображать, как на 15 р. предстоящего жалованья и в лавку заплатить 11 р., и сторожихе отдать за хлеб,стряпню и стирку 5 р., и купить сапоги.

V

В каком-то особенном настроении садилась телеграфистка за аппарат. Занятая своими мыслями, она почти не заметила, как приняла дежурство от своего товарища.

Тёплая ли мягкая ночь так электризовала её, или утренняя сцена взволновала, но что бы она ни делала – наклонялась ли над аппаратом, принималась ли писать – кровь приливала к сердцу и перед ней, как живой, стоял Кобрян. Она ощущала его где-то близко, и это ощущение жгло и опьяняло её, вызывая одновременно и жгучую обиду утра, и сладкую истому, помимо её воли разливавшуюся по её телу. Она не понимала, что делалось с нею, куда девался её гнев на человека, так жестоко оскорбившего её; она с содроганием и замиранием, напротив, замечала в себе какое-то болезненное, страстное желание подчиниться этому грубому, сильному человеку. Она замирала и туманилась от мысли, что вдруг дверь отворится и войдёт он, Кобрян...

За её спиной раздались твёрдые, решительные шаги Кобряна.

Что-то сильное и горячее ворвалось и охватило её душу, и она низко наклонилась над своим журналом.

А над ней стоял Кобрян, весёлый, счастливый, словно читая, что происходит в ней, и любовался её волнистыми волосами и белой шеей и всей её стройной и изящной фигу-

рой. Он тихо наклонился над ней, чтобы шепнуть ей какое-то ласковое слово, но вдруг почувствовал её, вздрогнул и, обхватив, начал осыпать её шею, лицо, плечи и волосы страстными поцелуями.

Трепетная, оскорблённая телеграфистка вырвалась из его объятий и, прижавшись в угол, горько зарыдала...

VI

Погубили эти рыдания молодого Кобряна. Прахом пошли мечты рыбака о купчихе.

Через месяц господин и госпожа Кобрян возвращались из-под венца.

Их встретил уже успевший возвратиться из церкви шафер – телеграфист. Он был во фраке и новой ослепительно сверкавшей рубашке.

Временами, при взгляде на невесту, его подслеповатые глаза туманились, но он гнал подальше грустные мысли, ел и пил и усердно угощал гостей.

Пир был горой. Сторожиха, сторож и стрелочник сбились с ног.

Гости остались совершенно довольны и уж на рассвете разбрелись по домам.

Старик Кобрян, провожая своего друга-жандарма, не утерпел, чтобы не поделиться с ним разбитыми надеждами на купчиху.

Телеграфист не дошёл до своей квартиры и, споткнувшись об одну из скамеек, стоявшую на платформе, тут же на ней и уснул.

В его голове смутно проносились события дня, свадьба телеграфистки, отдавшаяся какой-то болью в его сердце, его фрак и мысль, что следующий месяц из-за этого фрака ему

хоть в гроб придётся ложиться.

Он уснул, наконец, в твёрдом намерении изучить под руководством старика Кобряна науку рыболовства, как подспорье к никогда не хватавшему жалованью.

И ему приснилось, что он настоящий, заправский рыбак, что его лодка, нагруженная рыбой, плавно качается на волнах, что предрассветный ветерок пронизывает его через лёгкую морскую блузу, но ему это ни по чем, он сидит в своей лодке весёлый, сильный, здоровый и поёт какую-то удалую рыбацкую песню.